

Проф. А. В. КАРТАШЕВЪ

Св. Великій Князь ВЛАДИМІРЪ

ОТЕЦЪ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

ИЗДАНИЕ

Владимірского Юбилейного Комитета при Управлении Митрополита Православныхъ
Русскихъ Церквей въ Европѣ

12, rue Daru. - Paris (8me)

Св. Великій Князь Владіміръ —

отецъ русской культуры

А. В. Карташев

ПЕКАРЕВ:

Мы только еще начинаемъ пристально вглядываться въ учительный образъ отца нашей націи по плоти и по духу, въ образъ св. кн. Владіміра, только начинаемъ разгадывать и постигать его святые завѣты. Всѣмъ известныя черты его жизненаго подвига вырисовываются предъ нами всѣ съ большей грандіозностью и значительностью. Надо еще много изучать умомъ и сердцемъ «Великаго кагана» нашего, равноапостольнаго Владіміра, и въ цѣлые томы должно вылиться это изученіе. Здѣсь и сейчасъ коснемся намекомъ только нѣкоторыхъ чертъ его земного служенія, являющихся для насъ его завѣтами.

Завѣтъ первый — идти по путямъ святого Православія, не смущаясь ихъ подчасъ каменистостью и тернистостью, не слушая сиренъ, завлекающихъ въ противоположную сторону.

Завѣтъ второй — не останавливаться на виѣшнемъ украшениіи книги евангельской золотомъ и драгоцѣнными камнями, а самимъ дѣломъ пытаться осуществлять любовь Христову въ жизни общественной и даже государственной, создать святую Русь, христіанскій народъ, христіанскую государственность.

РАР: Таково вступление к работе профессора Антона Владимировича КАРТАШЕВА, написанной им в тысяча девятьсот тридцать восьмом году в связи с отмечавшимся тогда девятисотпятидесятилетием Крещения Руси, в Париже. Проблеме восстановления христианской государственности в России КАРТАШЕВ посвятил свою книгу "Воссоздание Святой Руси", опубликованную после второй мировой войны. К ней мы намерены вернуться в наших передачах, посвященных приближающемуся Тысячелетию Крещения Руси. Послушаем, однако, теперь первую главу работы Антона Владимировича КАРТАШЕВА "Святой великий князь ВЛАДИМИР – отец русской культуры".

ПЕКАРЕВ:

Св. кн. Владимиръ быль восточный скандинавъ по крови и языку, но изъ тѣхъ родбъ «варяжскихъ», которые совершенно оставили, покорились загадочному генію славянского языка, какъ покорились его стихіи и тюрки-болгары. Въ борьбѣ за власть онъ на долго убѣгалъ въ Скандинавію къ своимъ родственникамъ и набиралъ тамъ дружины варяговъ, съ которыми и возвращался на Русь. Здѣсь у него уже въ Кіевѣ годами живалъ его сородичъ Олавъ Трігвѣсонъ, будущій св. Олавъ, король и креститель Норвегіи. Въ совмѣстныхъ бесѣдахъ два языческихъ конунга переживали свой идіотский религіозный кризисъ, и оба повели свои народы по христіанскому пути, Олавъ по западному, Владимиръ по восточному. Церковь тогда была еще не раскѣлota. Вопроса о ереси римской еще не существовало. Семья Владимира роднилась черезъ браки со всѣми западными династіями латинскаго обряда. Владимиръ принималъ у себя западныхъ міссионеровъ и папскія посольства, какъ единовѣрцевъ. И тѣмъ не менѣе, онъ сознательно предпочелъ греческій обрядъ и греческую культуру.

То былъ періодъ «ромеизації» и христіанізації съверныхъ «варваровъ» Европы. Въ Европѣ оть IV—V до XI в., чтобы перестать быть варварами, любому народу надо было прежде всего креститься, войти во вселенскую Церковь. Короли за королями, страны за странами, послѣ упорно наивной борьбы противъ креста, склоняли свои буйные военные головы предъ служителями Церкви и смиренно погружались въ купель крещенія. Иначе нельзя было «выйти въ люди и вывести въ люди» свои народы. Христіанство стало единственной дверью въ культуру, бѣлой костью аристократизма, выводившей изъ чернаго тѣла язычества.

Этой судьбѣ мужественно и мудро покорился въ концѣ X вѣка и кіевскій князь Владіміръ, сначала со свойственнымъ его широкому темпераменту пылкимъ, неистовыемъ увлеченіемъ давшій послѣдній отчаянныій бой христіанству за свою варварскую старину и этотъ бой проигравшій. Несомнѣнѣнъ интимный духовный переломъ во Владімірѣ, превратившій его изъ Савла въ Павла. Преподобный Несторъ разсказываетъ намъ о нѣкогдѣ благодатномъ видѣніи, потрясеніи, откровеніи, какого удостоился кн. Владіміръ. Оно было подобно тому, какое было святому Евстахію-Плакиду. Грѣшный и буйный язычникъ Владіміръ былъ натурай богоизбранный. Его обращеніе ко Христу было подлинное, интимное, глубокое. Преображеніе, его характера и разрывъ съ грѣхомъ были изумительны. Но наряду съ этимъ его личнымъ обращеніемъ у кн. Владіміра на видномъ мѣстѣ стояли и мотивы государя, вождя своего народа.

Не подлежитъ сомнѣнію его пылкое стремленіе — властнымъ самодержавнымъ толчкомъ ввести свою Русь въ семью культурныхъ націй. Обращеніе къ Владіміру за военной помощью со стороны византійскихъ царей Василія и Романа (987 г.) было только ускоряющимъ поводомъ къ личному крещенію кіевскаго князя. Ибо свою военную помощь царямъ противъ ихъ противника Вѣрды Фѣодору кн. Владіміръ обусловилъ выдачей за него замужъ сестры царей, принцессы Анны, а это требовало крещенія Владіміра. Въ его головѣ съ этимъ почетнымъ бракомъ соединялся грандіозный планъ пересадки всѣхъ полезныхъ, красивыхъ и возвышающихъ плодовъ высшей царе-

градской культуры на почву молодой, отныне породнившейся съ Царьградомъ, Руси. Военная помощь Владимира блестяще удалась. Русскій отрядъ разбилъ въ апрѣлѣ 989 г. Вѣ^{арду}ску подъ Хрисополемъ (Скѣтари). Тронъ царей былъ спасенъ. Но царевна Анна не хотѣла идти замужъ за варвара. Владимира прибѣгъ къ силѣ оружія. Онъ осадилъ въ 989 г. греческую окраинную колонію въ нашемъ Крыму, Херсонесъ — («Кѣрсунъ») и въ 990 г. взялъ его. Во время осады папскіе послы приходили къ Владимиру. Просто крещеніе народа кн. Владимира легко получилъ бы отъ латинянъ. Но не того онъ хотѣлъ. Онъ стучался сознательно именно въ греческія двери и даже разбивалъ ихъ.

Вершиной тогдашней культуры былъ не Западъ, а Востокъ: Константинополь, священная держава «ромеевъ». Молодая западно-европейскія націи были и скромно сознавали себя еще варварами, ревностно подражавшими подлинной, наследственной аристократіѣ въ культурѣ — ромейской державѣ. Кн. Владимира не только по географической фатальности, но и сознательно избиралъ для «ромеизации» (приобщенія къ ^{культурѣ} Руси, образецъ первого ранга: культуру греческую, а не латинскую. Самъ полуварягъ и кѣнунгъ, онъ смотрѣлъ на своихъ соплеменниковъ, европейскихъ кѣнунговъ, какъ на собратьевъ по варварству, и правильно хотѣлъ быть не наравнѣ, а выше ихъ. Какъ побѣдитель, онъ требовалъ отъ грековъ на правахъ военной контрибуціи съ рукой царевны, пересадки на Днѣпръ съ Босфора, наибольшаго количества блеска византійского двора. Ему нужна была красота церковная и свѣтская, — не только вещи и сокровища, доступныя и грабежу варваровъ, но и учителя и художники для создания собственныхъ знатоковъ и творцовъ наукъ и искусствъ, какихъ Владиміръ видѣлъ уже въ славянской Болгаріи. Непосредственно изъ Кѣрсуня Владимира вывезъ бронзовыя статуи и конную квадригу и поставилъ ихъ въ Кіевѣ на удивленіе «невѣглазовъ», которые мнили, что эти диковинки «мрамаряны». Чтобы зачаровать своихъ эстетически чуткихъ «руссичей», князь-креститель построилъ храмъ Десятинной Богородицы по точной копіи сточныхъ цареградскихъ съ цвѣтными мраморами и мозаикой. Заставилъ византійцевъ дать на Кіевъ и учителей — этихъ маговъ и чародѣевъ просвѣщенія, черезъ что

чаять вскорѣ увидѣть у себя «собственныхъ Платоновъ». Начиная со своихъ сыновей — Бориса, Глѣба, Ярослава, — мечтательный князь насилино посадилъ на учебную парту множество дѣтей «нарочитыя чады», т. е. аристократическихъ родовъ, хотя мамаши и оплачивали ихъ отдачу въ невѣдомый дотолѣ придворный пансионъ. Изъ этой плеяды прошедшихъ правильную и высокую школу образованія юношей и былъ митрополитъ Иларіонъ, нашъ вершинный писатель XI вѣка, уровня котораго русскіе писатели достигли лишь къ концу XVIII — началу XIX вѣковъ. Ярославъ Владиміровичъ старался поддержать завѣты отца, «собра писцы мнѣги и прекладаше отъ грекъ на словѣнъское письмо и тако списаша книги мнѣзи».

Но культивированіе диктатура св. Владиміра кончилась, «вздергивание на дыбу» ослабѣло, «нарочитая чады» кіевская не увлеклась чарами греческихъ учителей, «университетъ» Владиміровъ обезлюблѣлъ, необласканные общественной любовью греческіе «философы» (такъ назывались профессора) поразбѣжались домой, и наша образованность, естественно, опустилась до уровня низшей школы, а затѣмъ и полной безшкольности. Петру вновь пришлось Россію «вздернуть на дыбъ». Но въ основѣ дѣло просвещенія Руси св. Владиміромъ было прочно заложено на вѣка. Какъ и всѣмъ европейскимъ народамъ, первую письменность и общеевропейское, общечеловѣческое просвѣщеніе принесла Церковь. Связанное съ христіанскимъ состояніемъ, близкое культурное общеніе со всѣмъ европейскимъ міромъ разъ навсегда сдѣлало русскихъ участниками античнаго наслѣдства и участниками въ продолженіи и творчествѣ европейской культуры. При этомъ нашъ креститель погрузилъ насъ въ греческую, а не римскую купель, и этимъ отдѣлилъ насъ во многомъ отъ западныхъ собратьевъ по вѣрѣ и культурѣ. Но въ конечномъ счетѣ это только наше счастье и благословенный призывъ къ оригинальности, къ созданію новаго, цѣннаго варіанта христіанской культуры, варіанта восточно-европейскаго. Если западный міръ и заинтересовывается все болѣе плодами нашего духовнаго творчества, то не только потому, что мы не лишены таланта, но и потому, что изъ глубины нашей души слышится новая, невѣдомая ему музыка. Это-музыка родившаяся изъ иного религіознаго дѣтства русской націи, изъ иного его воспитанія. Терпимость былъ и, можетъ быть, будетъ нашъ восточно-европейскій историческій путь въ нѣкоторой особности, отдѣльности отъ западно-ев-

ропейского міра, но и благословененъ, ибо въ немъ заложена належ-
да нашей своеобразности въ культурѣ и даже возможности на нѣко-
торый исторический періодъ нашей духовной гегемоніи.

Итакъ, русская культура, какъ одна изъ культуръ восточно-ев-
ропейскихъ, родилась въ тотъ моментъ, когда Владіміръ Святой, по-
слѣ долгихъ размышленій и борьбы конкурирующихъ вліяній, со-
знателно избралъ византійскую крещальную купель и въ нее рѣши-
тельно привелъ и весь русскій народъ. Это былъ моментъ опредѣляю-
щій, провиденціальный для всей нашей исторіи. И по мистическому
ученію Церкви, крещеніе есть «неизгладимая печать», и фактически
душа русскаго народа какъ будто случайно, какъ будто сверху и по
государственному принужденію, крещена, но стала исторически «за-
печатлѣнной» Православіемъ. **Князь - «Красное Солнышко»** такимъ
образомъ сформировалъ коллективную историческую душу народа и
сталъ истиннымъ отцемъ - родителемъ нашей культуры. Подавляемые
культурными успѣхами Запада, нѣкоторые изъ нашихъ отцевъ и дѣ-
ловъ сомнѣвались въ положительному значеніи дѣла св. Владіміра и
даже, какъ парадоксально смѣлый Чадаевъ, считали его нашимъ
несчастнымъ рокомъ. Въ противоположность имъ, не смущаясь ни-
какими внутренними трагедіями нашей культуры и, наоборотъ, видя
въ нихъ знаменіе великаго призванія. — мы признаемъ восточную ку-
пель св. Владіміра Божіимъ благословеніемъ нашей исторіи. Если
мы это еще не осознали во всей силѣ, не осознали, что безъ право-
славнаго корня нѣтъ русской культуры, ибо безъ Православія нѣтъ
и русской души, рождающей изъ себя культуру, если мы еще не чтимъ
ярко и достойно отца нашей православности — крестителя Руси, это
только признакъ незрѣлости нашего національного самосознанія.

Конец

СВЯТОЙ ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ВЛАДИМИР — ОТЕЦ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

№ 2

А.В. КАРТАШЕВ

ПЕКАРЕВ:

Другой завѣтъ кн. Владимира — создать святую, праведную, евангельскую, Христову Русь не по имени только, но и по самому житію, здесь, на нашей грѣшной землѣ, едва ли нами ясно со-знается, а нѣкоторыми даже и не подозрѣвается.

Святой князь потрясъ сердца современниковъ и, что особенно знаменательно, сердца простого народа, своимъ щедрымъ гостепріимствомъ, своимъ нищелюбіемъ. Что это? Княжескій обычай баловать свою дружину, пережитокъ языческаго разгула, личная щедрота-тельность, широкая русская натура? Можетъ, всего есть понемножку. Но это не интересно и не объясняетъ главнаго, какъ не интересны вообще убого-трезвыя, якобы единственно научныя объясненія яв-леній духовныхъ. «Душевный человѣкъ не пріемлетъ того, что есть отъ Духа Божія. Главное въ этомъ явленіи не отъ плоти и вѣнч-иныхъ причинъ, а отъ Духа Божія, Который, по драгоцѣннѣйшему для настъ свидѣтельству преподобнаго Нестора, чудеснымъ путемъ при-велъ кн. Владимира къ св. купели. И, «отрясши въ ней слѣпоту душевную вкупѣ и тѣлесную», св. Владимира, по слову митрополита Иларіона, «возгорѣлся духомъ и возжелалъ сердцемъ быть христіа-ниномъ и обратить всю землю въ христіанство». Благодатно восхо-тѣль исполнить завѣты евангельскіе не по имени только, но на са-момъ дѣлѣ. Всѣ свидѣтели, близкіе почти современники св. князя, въ одинъ голосъ говорятъ о чёмъ то въ этомъ отношеніи совершен-

но необычайномъ, изъ ряду вонъ выходящемъ. Мнихъ Іаковъ и святость кн. Владимира не считаетъ нужнымъ доказывать отъ посмертныхъ чудесъ. — такъ она самоочевидна отъ его необычайныхъ иныхъ дѣлъ: «отъ дѣлъ познati, а не отъ чудесъ».

Въ чемъ необычность дѣлъ св. Владимира? М/Иларіонъ такъ похваляется его: «Радуйся, учитель нашъ и наставникъ благовѣрія! Ты былъ облечёнъ правдой, препоясанъ крѣпостью, вѣнчанъ смысломъ и украшенъ милостыней, какъ грибной и утварью златой. Ибо ты, честная глава, былъ одѣждой нагімъ, ты былъ питателемъ бѣдущихъ, былъ прохладой для жаждущихъ, ты былъ помѣщикомъ вдовицамъ, ты былъ успокѣителемъ странниковъ, ты былъ покровомъ не имѣющимъ крѣва, ты былъ застѣпникомъ обѣдимыхъ. обагатителемъ убогихъ». Слова эти могли бы показаться и просто похвальной риторикой, если бы не углублялись и не освѣщались другими данными. Характерно и тутъ поставленіе «милостыни» или филантропіи св. князя въ ряду его княжескихъ, а не просто личныхъ добродѣтелей: «правты и крѣпости». А филантропія уподобляется княжескимъ регалиямъ — грибнамъ и эмблѣмамъ, украшающимъ грудь властителя и выражющимъ идеальные задачи его служенія, по нынѣшнему — его правительскую программу. Дѣйствительно, то, о чёмъ говорить лѣтопись, — не личная только благотворительность князя. Это соціальная помощь въ государственномъ масштабѣ. «Повелѣ», читаемъ въ лѣтописи: «всякому нищему и убогому приходить на дворъ княжъ и взимати всякую потребу — питьё и ядѣнье и отъ скотини кунами» (т. е. изъ казначейства денежную пенсию). «Устрои же и се рекъ: «яко немощніи и больніи не могутъ долѣсти двору моегу» — повелѣ пристройти кѣла и всклаташе хлѣбы, мяса, рыбы, овощь различный, мѣдъ въ бчѣлкахъ, а въ другихъ квасъ, возити по городу, вопрошающимъ, гдѣ больній и ниць, не могіи ходити? Тѣмъ разлаваху на потребу». Чтобы не оставалось у насъ сомнѣнія, что эта княжеская филантропія не ограничивалась столицей или предѣлами дворцовыхъ имѣній, мнихъ Іаковъ, касаясь этого вопроса, опредѣленно поясняетъ, что св. Владимиръ установилъ это, какъ систему рѣшительно во всѣмъ государствѣ до деревенскихъ захолустьевъ включительно. «Болѣ всего бѣше милостыню творя князь Володимеръ: иже немощніи и старѣи не можаху дойти княжа двору и потребъ взѧти,

то и въ дворъ имъ посылаше: немощнымъ и старымъ всяку потребу благённый князь Володимеръ даяще. И не могу сказать многія егò милостыня; не токмо въ дому своему милостыню творяше, но и по всему граду, не въ Киевѣ единомъ, но и по всей землѣ русской, и въ градѣхъ и въ селѣхъ, вездѣ милостыню творяше, нагія одѣвава, алчные кормя и жадные напаяя, странныя покоя милостію; нищая и сироты и вдовицы и слѣпые и хромые и трудоватыя вся милуя и одѣвава и накормя и напаяя».

Исторические свидѣтели передаютъ съ восторженнымъ изумленіемъ не только о широтѣ этого опыта христіанского рѣшенія соціального вопроса сверху, въ рамкахъ цѣлаго государства, волей христіанского монарха, но и о мотивахъ его, тоже потрясающихъ христіанскую мысль. Житія святыхъ полны изумленіемъ предъ рѣшеніемъ духовныхъ героевъ — по одному только слышанію слова евангельского въ церкви все оставить, взять крестъ свой и пойти за Христомъ. То же сообщаетъ лѣтопись и о кн. Владимірѣ: «Бѣ бо любя словеса книжная; слыша бо единою евангелье чтбмо: блаженіи милостивіи, яко ти помилованіи будуть; и паки: продайте имѣнія ваша и дадите нищимъ; и паки.... Си слышавъ, повелѣ всякому нищему убогому» и т. д., что мы приводили уже выше. То же самое говоритъ и м. Иларіонъ, что св. князь «не до слышанія стави глаголанное, по дѣломъ сконча слышанное», т. е. не хотѣль слова евангелія оставлять просто для услажденія слуха, но рѣшилъ осуществить ихъ на дѣлѣ.

Можно себѣ представить, какъ долженъ былъ поразить воображеніе языческаго народа этотъ неслыханный опытъ — во всемъ государствѣ утолить всякую нужду! Какая пертурбациѣ должна была произойти въ системѣ государственного хозяйства и финансовъ! Недаромъ преданіе и былины такъ запомнили щедроты «ласковаго князя — Краснаго Солнышка». «Твоя бо щедроты и милостыня», говорить м. Иларіонъ, «и нынѣ въ человѣчехъ поминаеми суть».

Итropolit Тотъ же м. Иларіонъ сообщаетъ намъ, что св. Владиміръ, «часто собираясь съ новыми отцами, нашими епископами съ великимъ смиреніемъ совѣтовался съ ними, какъ установить законъ сей среди людей, недавно познавшихъ Господа». Это не иначе можно понять,

какъ совѣщанія съ іерархіей не по місіонерскимъ только вопросамъ, а скорѣе по вопросамъ проведенія въ жизнь всего государства «закона» христіанскаго, какъ совѣщаніе о посильномъ осуществлениі Царства Христова на землѣ. Смѣлость замысловъ св. князя въ этомъ направленіи подтверждается и лѣтописью. Проникаясь духомъ евангельскимъ, св. Владимиръ переживалъ въ своей совѣсти со всей силой нравственную антінбію государственной силы и личнаго всепрощенія. Онъ тяготился долгомъ мечѣ казнящаго. И епископамъ приходилось успокаивать его чуткую совѣсть: «живяше же Володимеръ въ страстѣ Ббжіи, и умножиши разббеве, и рѣша епіскопы Володимеру: се умножиша разббйници, почто не казніши ихъ? Онъ же рече имъ: боюся грѣхъ. Онъ же рѣша ему: ты поставлень еси отъ Бога на казнь злымъ, а добрымъ на милованье; достбить ти казнити разббйника, но со испытотъ. Володимеръ же отвѣргъ вѣры, нача казнити разббйника».

Св. Владимиръ не впалъ въ сектанство и покорился мудрымъ совѣтамъ Церкви, не признающей насильственного введенія евангельскихъ нормъ въ жизнь черезъ принудительный механизмъ государства. Не превратилъ въ мёртвый законъ и своихъ широкихъ филантропическихъ мѣръ, подсказанныхъ ему лично его пламенной христіанской любовью. Онъ не создалъ карикатуры христіанскаго государства, но осуществлялъ его въ предѣлахъ заповѣди Христовой постольку, поскольку лично ему, облагодатствованному властителю, даны были дары Духа «вспоможенія, управлѣнія». Въ наслѣдство своимъ преемникамъ св. Владимиръ не оставилъ никакихъ радикально измѣненныхъ основныхъ законовъ, предоставляя имъ быть слугами Христовыми въ мѣру ихъ даровъ духовныхъ. И его святые сыновья Борисъ и Глѣбъ не были соціальными реформаторами, а скорѣе аскетами и молитвенниками, въ иномъ стилѣ исполнявшими завѣты Христовы.

Такимъ образомъ, въ началѣ русскаго христіанства былъ моментъ исключительного порыва къ исполненію евангельскаго идеала, подобный порыву первобытной іерусалимской Церкви къ самоотверженному общенію имуществъ. Аналогичные порывы у сектантовъ — монтанистовъ, павликіанъ, вальденсовъ, анабаптістовъ, приводили къ

извращеніямъ фанатизма и деспотіи, ибо выпадали изъ подъ руководства благодатной мудрости Церкви и подчинялись человѣческому своеволію и гордынѣ. Не то было въ жизни первохристіанской ббщины и въ дѣлѣ св. Владимира. Это были порывы, покорные волѣ Духа Святаго и въ мѣру подлинной свободной любви Христовой. И, какъ вѣяніе Св. Духа, эти чудесныя достижения приходили и проходили, подобно видѣніямъ и обѣтованіямъ царства Христова, не окаменѣвая въ фальшивомъ насильствующемъ законѣ. Въ первенствующей Церкви была эпоха чрезвычайныхъ дарованій. И первоначальную исторію русской Церкви озарилъ благодатный лучъ Царства Христова, прошедшиій черезъ великое сердце Владимира, Великаго не по титулу только, но и по благодатному «дару вспоможенія, управлѣнія», ему ниспосланному . И св. князь не преткнулся на своемъ пути. За 1000 лѣтъ до Льва Толстого онъ отвѣтственно, сидя на княжемъ судилицѣ, пережилъ антиномію мечѣ и принять въ сердце трагедію его по внушенію Церкви, такъ же точно за 1000 лѣтъ до новѣйшихъ соблазнителей хлѣбами, св. Владимиръ сдѣлалъ все, что могъ для помощи мѣньшей братіи, какъ устроитель и реформаторъ государства, и не прбрлилъ рѣкъ крви и не заковалъ народъ во имя «свободы, равенства и братства», въ цѣпи рабства, подобно антихристіанскимъ «народолюбцамъ» нашихъ дней.

Въ наши дни апокалиптическихъ искушеній міра и русской массы властью, хлѣбами и чудесами техники предъ русской Церковью во всей неотвратимости всталъ міровой соціальный вопросъ со всѣми его соблазнами. Креститель нашъ даль намъ примѣръ, какъ вести себя на этомъ труднѣйшемъ пути. Христіанскій народъ, христіанскіе дѣятели, христіанская власть прежде всего должны сдѣлать все возможное для проведения во всѣ стороны жизни націи завѣтovъ любви евангельской, организовать дѣло христіанского братолюбія на уровне современной намъ соціальной техники. Но народъ и власть могутъ праведно осуществлять это дѣло только въ мѣру данности любви Христовой въ сердцахъ самихъ творцовъ, и исполнителей. Безъ этого духовнаго, благодатнаго основанія, одна механика добра превращается въ безсильное, фальшивое и злое дѣло. Христіанское соціальное дѣланіе можетъ быть только внутренне свободнымъ. Такъ сумѣть вести себя не частный одиночный христіанинъ, а государь

земли русской. Его завѣтъ намъ: христіанизація общественной жизни не на путяхъ внутренняго насилия сектантства и внѣшняго насилия коммунизма, а на путяхъ церковнаго разумѣнія христіанской свободы.

Русская земля, а съ нею и русская Церковь, не могутъ не быть носителями «великой совѣсти». Нынѣшняя тиранія безсовѣстности лишь временное наважденіе. Существующіе типы культуры сложились еще въ доисторической тысячелѣтія и до сихъ поръ остаются въ главномъ неизмѣнными. 20 лѣтъ извращенческаго перевоспитанія не измѣнить духовной глубины русскаго генія. Онъ вспомнить праотца своей культуры, человѣка великой совѣсти, св. кн. Владимира и возгорится желаніемъ исполнить его завѣтъ.

Конец

СВЯТОЙ ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ВЛАДИМИР - ОТЕЦ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

№ 3

А. В. КАРТАШЕВ

ЦЕКАРЕВ:

Оглядываясь на наше историческое прошлое въ на-
стоящие искусствительные дни омраченія русской души народной, мы
должны почерпнуть бодрящую увѣренность, что русская колея не
сбилась съ направленія, даннаго Владиміромъ Святымъ, что Русь на-
всегда устояла въ Православіи и духомъ и откровеніями Православ-
ной Церкви навсегда запечатльны плоды отнынѣ міровой русской
культуры.

Не оторвалась Русь отъ восточнаго типа христіанства подъ уда-
ромъ монгольского нашествія, какъ ни заигрывали галицко-волынскіе
князья съ латинскимъ западомъ.

Не пошла она и за своей водительницей Византіей въ ХУ вѣкѣ
изъ унію съ Римомъ, когда вел. кн. Московскій Василій Васильевичъ
въ 1441 г., предвосхищая и выражая общественное мнѣніе своей
страны, изгнанъ принесшаго унію митрополита — гре-
ка Исидора. Это отверженіе московской Русью флорентійской уніи,
по вѣрной характеристикѣ нашего историка Соловьевъ, «есть одно
изъ тѣхъ великихъ рѣшеній, которыя на многія вѣка впередъ опре-
дѣляютъ судьбу народовъ... Вѣрность древнему благочестію, про-

возглашеннай вел/кн/ ^{ИКИМ АЗСМ} Василемъ Васильевичемъ, поддержала самостоятельность съверо-восточной Руси въ 1612 г., сдѣлала невозможнымъ вступленіе на московскій престолъ польского королевича, что вела къ борьбѣ за вѣру въ польскихъ владѣніяхъ, произвела соединеніе Малой Россіи съ Великой, условила паденіе Польши, могущество Россіи и связь послѣдней съ единовѣрными народами Балканского полуострова». Мысль историка бѣжитъ по чисто политической линіи. Но параллельно и по линіи культурнаго интереса мы должны отмѣтить моментъ отказа отъ уніи, какъ моментъ, ведущій за собой иѣлую эпоху. Послѣ этого внутреннее отъединеніе русскаго міра отъ Запада, подъ воздействиемъ вспыхнувшей мечты о Москвѣ — Третьемъ Римѣ, уже твердо закрѣпило особый восточно-европейскій характеръ русской культуры, котораго не стерла ни вѣшне, ни тѣмъ болѣе внутренно, великая западническая реформа Петра Великаго.

Такъ проведена была православной Церковью грань, черта, иногда углубляющаяся, какъ ровъ, иногда возвышавшаяся, какъ стѣна, вокругъ русскаго міра, въ младенческій и отроческій періодъ роста національной души народа, когда успѣли въ ней крѣпко залечь и воспитаться отличительныя свойства ея «коллективной индивидуальности» и ея производнаго — русской культуры. Таково, такъ сказать, «онтологическое» вліяніе православной Церкви на русскую культуру.

Другое всѣмъ извѣстное воздействиѣ русской Церкви, касается еще не самой сердцевины культуры, но ея важной составной части — во-первыхъ, и ея мощнаго условія — во-вторыхъ. Разумѣемъ воспитаніе Церковью, на основѣ восточно-каноническаго и, въ частности, византійскаго ученія о православномъ царствѣ, русской государственной власти въ духѣ теократическаго самодержавія, глубоко измѣненнаго затѣмъ Петромъ В/и ^{ЕЛИКИМ} и перешедшаго съ той поры въ значительной мѣрѣ въ свѣтскій ^{МУРСКОИ} абсолютизмъ.

Рядъ частныхъ сторонъ государственного, правового и соціальнаго строя древней Россіи отразилъ на себѣ вліяніе образцовъ и идей византійской церковности. Блестящій анализъ этой матеріи въ примененіи къ домонгольскому періоду дать Ключевскій, показавшій,

какъ преобразовывалось по Номоканону наше право — уголовное, гражданское, имущественное, обязательственное, семейное, брачное, какъ возвышалась женщина, какъ таяла холопская неволя, обуздывалась кабала ростовщичества.

Анализъ Ключевскаго примѣ-
німъ въ извѣстной мѣрѣ и ко всей старорусской эпохѣ: и къ Судѣб-
нику Ивановъ III и IV-го и даже къ Уложенію царя Алексія Михай-
ловича. Правда, въ этой полосѣ византійскихъ вліяній есть и обрат-
ная сторона, — напр., внесеніе къ намъ карательной жестокости,
вмѣсто прежняго битья по карману. Всѣ знаютъ, какъ епископы
убѣждали «ласковаго князя» Владимира ввести смертную казнь для
уголовныхъ.

Роль Церкви огромна и въ области материальной культуры, въ сферѣ народно-хозяйственной и государственно-национальной. Церкви и особенно монастыри, обезпеченные въ древней Руси почти единственной тогда натуральной валютой — земельными угодьями, приняли гигантское участіе въ хозяйственномъ строеніи русской земли, наряду со всеми служилыми и тяглыми классами населения. Они колонизовали лѣсныя дебри и болота, подымали земельную новь, на-
саждали промыслы и торговлю. Къ XVI в. церквамъ и монастырямъ принадлежала одна треть всей государственной территории съ пра-
вами судить и рядить сидѣвшее на ней населеніе, хозяйствовать, со-
бирать подати и поставлять рекрутовъ. Это было раздѣленіе съ цен-
тральной властью труда государственія, это было какъ бы особый
громадный удѣльный въ общемъ тѣль государства. То специ-
фическое, что въ связи съ этимъ дѣлали церковные силы, заключа-
лось не въ хозяйственіи и государственіи, а въ христіанизаціи и
инородцевъ, стоявшихъ на низшей ступени
культуры въ сравненіи съ христіанской Россіей.

Но самое специфическое, самое прямое и въ то же время уни-
версальное вліяніе Церкви, конечно, относится къ области просвѣ-
щенія и воспитанія народного міровоззрѣнія, т. е. къ самой душѣ
культуры. Вѣра и культь требовали минимальной грамотности, книж-
ности и искусства и при томъ въ широкихъ общенародныхъ масшта-
бахъ. Школа, книга и наука были столѣтіями почти исключительно
церковными. И все литературное и умственное творчество или было
прямо церковнымъ или проникнуто церковнымъ духомъ. Міръ дру-

тихъ искусствъ, доступныхъ древней Руси, также естественно быть почти всецѣло міромъ релігіознымъ. На алтарь церковнаго культа принесены были всѣ усилія меценатовъ и творцовъ. Архитектура, живопись, музыка воплотились въ памятникахъ чисто церковныхъ. Здѣсь исторія русскаго національнаго искусства почти совпадаетъ съ церковной археологіей. Міровой вершиной достиженій въ этой сферѣ является наша древнерусская икона — шедевръ мистически чарующей, неземной красоты.

Къ просвѣщенію церковному, привившему народу элементъ общей культуры, присоединялось и все разнообразіе чисто духовныхъ, въ собственномъ смыслѣ релігіозныхъ вліяній Церкви на совѣсть и душу націи. Воспитательный результатъ этихъ просвѣтительныхъ и духовническихъ, вліяній Церкви отложился въ православномъ интимномъ ликѣ русской народной души. Она пропиталась главными стихіями Православія: аскетизмомъ, смиреніемъ, сострадательнымъ братолюбіемъ и эсхатологической мечтой о праведномъ, сіяющемъ умной красотой градѣ Божіемъ.

Эта робкая душа, напуганная зловѣщей западно-русской уніей 1596 г. въ Брестъ-Литовскѣ (роковой городъ въ исторіи Россіи!), угрозой латинства въ Смутное время и надвигающейся волной латино-польской культуры при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, метнулась въ расколъ старообрядчества, убѣжала въ лѣса и подполье и закрѣпилась тамъ подъ впечатлѣніями совершенно чуждой и жуткой для нея стихіи Петровской реформы и нового европейскаго просвѣщенія. Дѣтски искреннее чутье этой души не обмануло ее. Съ Петромъ пришло на Русь и вошарилось на ней совершенно иное просвѣщеніе, идущее отъ иного корня, имѣющее иное основаніе. Тамъ цѣлью было небо, здѣсь — земля. Тамъ законодателемъ былъ Богъ, здѣсь — автономный человѣкъ съ его мощью научнаго разума. Тамъ критеріемъ поведенія было мистическое начало грѣха, здѣсь — хотя и утонченная, но, въ концѣ концовъ, утилитарная мораль общежитія. Петръ сдѣлалъ Россіи прививку великихъ переживаній Возрожденія и Гуманизма, и она блестяще удалась. Черезъ 50 лѣтъ мы имѣли русскую Академію Наукъ въ лицѣ Ломоносова, а черезъ 100 лѣтъ — Пушкина. Пушкинъ, какъ зачарованный близнецъ, какъ двойникъ солнца. всѣмъ существомъ былъ устремленъ къ Петру. Онъ выявилъ этимъ

свое мистическое сродство съ прометеевскимъ, человѣческимъ, только человѣческимъ геніемъ Петра. Пушкинъ бытъ величайшимъ изъ птенцовъ гнѣзда Петрова, адекватнымъ порожденіемъ его неосознанной гуманистической религіи. Петръ мечталъ дать Россіи европейскую интеллигенцію, и онъ далъ ее въ лицѣ Пушкина. Въ Пушкинѣ свершились всѣ пріобрѣтенія Возрожденія и вѣка Просвѣщенія. Онъ сталъ непрекаемымъ и неотмѣняемымъ доказательствомъ европейской природы и европейского призванія русскаго генія.

Пушкинъ есть, какъ знаменательное начало нашего европеизма, такъ и нѣкоторый конецъ этого неповторимаго стиля. Уже у современниковъ Пушкина — Лермонтова и Гоголя — слышны иные, саднящія ноты въ творчествѣ. Чѣмъ дальше, тѣмъ этихъ диссонансовъ больше во всѣхъ духовно-культурныхъ переживаніяхъ русскаго интеллектуального слоя. Есть, конечно, въ литературѣ и пушкинская линія. Но конфликтъ Гоголя и Бѣлинскаго открылъ серію моральныхъ драмъ и страстной борьбы въ душѣ русскихъ культурныхъ людей. Въ разныхъ измѣреніяхъ, въ разной постановкѣ, все время, русскую культуру, ея духовную глубину будоражать трагические вопросы. Изъ области чистой мысли, гдѣ ихъ воплощаютъ Толстой и Достоевскій, они бурями проносятся надъ областями и общественности и политического идеализма. Трагизмъ, кричащий трагизмъ, охватываетъ русскую душу. О классической безоблачности Пушкина нѣтъ и помину. Съ ней прямо враждуетъ, какъ съ чѣмъ то чужимъ, сначала гимназически-раціоналистическая писаревщина, а затѣмъ сектантски-моралистическое народничество, да по пути и толстовство. Царственное спокойствіе Пушкинскаго культуроносительства и вмѣстѣ съ нимъ косногедилитальное государственное культуроносительство вызываютъ фанатическую вражду въ цѣлыхъ поколѣніяхъ душъ, алчущихъ безмѣрной правды соціальной, жаждущихъ освѣжающихъ катастрофъ и революцій и вѣрующихъ въ апокалипсисъ совершенно новой жизни на землѣ съ утѣшеніемъ всѣхъ униженныхъ и оскорбленныхъ. Стремятся къ этому героически, аскѣтствуя внутренно и даже по вѣнѣшности, истаевая отъ альтруизма, жертвуя личнымъ благополучіемъ за счастье мѣньшей братіи.

Что все это, какъ не знакомыя намъ существенныя черты воспитанной древнерусскимъ Православиемъ русской национальной души? Это ея аскетизмъ, смиреніе, сострадательная любовь и исканіе града нездѣшняго въ своеобразномъ преломленіи сквозь новое вѣрелигіозное, свѣтское европейское міровоззрѣніе. Она вырвалась изъ подъ спуда, эта тысячелѣтняя оправославленная русская душа и запечатлѣла своимъ трагически мистическимъ, почти апокалиптическимъ тѣномъ всю новую русскую культуру, чѣмъ и привлекаетъ къ себѣ подсознательно вниманіе всего міра, какъ что то необычайное, какъ нѣкая музыка будущаго.

Характеръ творчества въ русской культурѣ явно вырисовывается, какъ жажда нового синтеза гуманитического достоянія античной и западно-европейской культуры съ абсолютной правдой Православія. Глубоко оправославленная русская душа, пройдя съ нѣкоторой ласковой подавленностью XІІІ-й вѣкъ своей учебы, получивъ вѣнчаній аттестатъ зрѣлости, начала давать себя чувствовать во всемъ процессѣ творчества, окрашивая всѣ виды его изнутри излучаемымъ духомъ Православія. Чужестранный мистицизмъ конца XІІІ и начала

XІХ в. былъ только подготовительной школой. Въ 40-е годы уже начинается прорывъ свѣтски-православнаго творчества. Гениально богословствуетъ Хомяковъ и сгораетъ отъ изверженія аскетическаго вулкана изъ его православной души Гоголь. Язычески чарующій Пушкинъ, магіей своего совершенства, какъ бы закупорившій всѣ возможности для православной мистики, словно напугать православныя души послѣднимъ улущеніемъ. И они взбунтовались и вырвались изъ своей глубины, завопіяли *de profundis*. Достоевскій, возненавидѣвшій живого Бѣлинскаго за его антиправославіе, преклонился, однако, предъ Пушкинымъ. Почему? Да потому, что Пушкинъ, какъ бы вѣнѣправославенъ. И у Достоевскаго, поднявшаго русскій творческій синтезъ на необычайную высоту, сочетавшаго православныя основы своей души съ высшими и подлинными цѣнностями европейской культуры, нашлись силы восторженно возрадоваться и поклониться Пушкину, ибо Пушкинъ далъ намъ живое слагаемое для искобмаго синтеза. Безъ него не къ чему было бы приложить то православное содержаніе, которое Достоевскій носилъ въ душѣ для міровыхъ цѣлей. Толстой уже не вынесъ этой задачи синтеза. Онъ пожертвовалъ культурой, а съ ней и Пушкинымъ. Его разъѣла уксусная кислота аскетиз-

ма и состраданія, безъ надлежащаго въ православномъ смыслѣ смиренія и мистики апокалипсиса. Творчество Толстого сложилось также на внутреннемъ землетрясеніи православной стихіи его души, только осложненной свойственнымъ рускому типу рационализмомъ. ^{адимира} Вл. Соловьевъ, синтетикъ и модернизованный христіанинъ, уже не гармонировалъ душой съ Пушкинымъ, потому что возглавлялъ современное намъ поколѣніе культурныхъ работниковъ, сознательно и планомърно взявшіхся за синтезъ Православія и современности. Богословскому уму Соловьева слишкомъ уже ясны языческіе корни драмы Пушкина, возвратъ къ которому совершилъ закрыть для эпигоновъ соловьевства.

Не просто православные резонансы, а уже специально православное теченіе въ русской культурѣ, въ ряду другихъ теченій, настолько сильно и талантливо сложилось до революціи, и сейчасъ имѣть свое продолженіе и своихъ послѣдователей, что умѣстенъ вопросъ о его судьбѣ въ новой, освобожденной Россіи.

Будетъ ли русская культура религіозной въ смыслѣ Гоголя, Толстого, Достоевскаго, старыхъ славянофиловъ, Вл. Соловьева, Св. Ев. Трубецкихъ, Леонтьева, Розанова и ^{адимира} нашихъ живыхъ современниковъ? Какое же можетъ быть въ томъ сомнѣніе! Развѣ мы Иваны Непомнящіе? Но это не значитъ, что русская земля превратится въ принудительный православный монастырь.

Будетъ просто свободное соревнованіе на прищѣ культурного творчества, талантовъ и группъ православныхъ, инаковѣрющихъ и невѣрующихъ. И нѣтъ сомнѣнія для нась — православныхъ, что въ этомъ свободномъ конкурсѣ, подъ стягомъ св. Владимира, нашего небеснаго заступника, завѣщавшаго намъ подвигъ православной культуры, христіанской государственности и праведнаго соціального строя, — мы побѣдимъ.